

ЛЕОНИД ПОДОЛЬСКИЙ

ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П44

Подольский, Л. Г.

П44 Идентичность / Л. Г. Подольский. — М. : Т8RUGRAM.
— 538 с.

ISBN 978-5-519-62432-9

«Идентичность» — сложный и многоплановый роман: это одновременно семейный эпос и повествование о двухтысячелетних странствиях еврейского народа (галуте), о его истории и традициях, о жизни евреев в России, о государственном антисемитизме в СССР, об ассимиляции и о возрождении национального самосознания после Шестидневной войны. Одновременно это роман о советской и российской жизни, о раздвоении сознания галутных евреев, о борьбе с тоталитарной системой за право на выезд, о демократическом движении в России, о диссидентах и «узниках Сиона», о героической борьбе за своё государство. Наконец, это роман о тысячелетнем русско-еврейском взаимодействии, о древней Хазарии и древней Руси, о том, почему самосознание «малого народа» отличается от самосознания «большого народа».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-62432-9

© Леонид Подольский, 2017
© Т8RUGRAM, 2017

«Перед нами — живописное полотно, сотканное, как ковер, из множества судеб и ярких эпизодов. «Идентичность» — это роман-правда, роман-исповедь, где некогда запретные слова неожиданно обретают магический смысл»

Лев Аннинский, литературный критик

Одно из самых первых воспоминаний Лёнечки: они с Аликом, другом, ползут по широкому клеверному полю, обрамленному невысоким кустарником. Алик был старше, классе в третьем или четвертом, а Лёнечка совсем маленький. Зато у него есть игрушечный пистолетик, громко стреляющий пистонами, а у Алика ружье заменяла сучковатая палка.

— Стоп, прижались к земле, — скомандовал Алик. — Там хайгитлы. Пли! Пли!

Прежде чем Лёнечка вместо выпавшего пистона достал из кармана коробочку, зарядил новый и, лежа в траве, от чего модные брючки, привезенные папой из Вильнюса, и сшитая тетей Соней матроска выпачкались зеленью на коленях и локтях, — прежде чем Лёнечка сумел зарядить свой пистолетик и выстрелить, Алик успел расстрелять целый взвод неведомых хайгитл и, торжествуя, устремился брать в плен раненого языка.

— Кто такие хайгитлы? — стал спрашивать на бегу Лёнечка.

— Немцы, — гордо объяснял Алик. — Они все время кричали «Хайль Гитлер».

— А ты сам видел хайгитл? — заинтересовался Лёнечка.

— Нет, я был еще маленький. Я не помню. А мамка, мы же в войну жили в Белоруссии, пока дом не сгорел, мамка видела. Один хайльгитлер даже долго у нас жил.

— Он что, и ночью кричал? — спросил Лёнечка.

— Все время. И днем, и ночью, — заверил Алик.

Когда Лёнечка вернулся домой, тетя Соня сильно расстроилась.

— Вывозил новый костюмчик. Зелень не сходит. Папа будет ругаться, — тетя ловко стащила с Лёнечки курточку, которую почему-то называла ковбойкой, и брючки и велела домработнице Марусе срочно стирать.

— Ах, этот Алик, — продолжала сердиться тетя Соня. — Вечно что-нибудь выдумает. Из-за его языка у Аликиной мамы обязательно будут неприятности.

Недели две назад Алик поскользнулся и скатился вниз с края глинистого обрыва. Сам он, к счастью, остался цел, зато единственные его штопаные-перештопаные брюки, перешитые из старых отцовских, все были перепачканы мокрой глиной и к тому же сильно порвались от ветхости. Аликина бабушка от расстройства стащила их с Алика и прилюдно лупила ими внука по голому заду. Лёнечка запомнил, что она сильно причитала и ругалась, потому что носить Алику больше было нечего.

— Что вы там делали? — спросила тетя Соня, указывая в сторону бревенчатых домиков, где располагался госпиталь.

— Воевали с хайгитлами, — гордо сообщил Лёнечка. Домработница Маруся громко рассмеялась, а тетя Соня отчего-то испугалась.

— Нельзя никогда говорить «Хайль Гитлер», никак нельзя говорить, за это очень сильно накажут, — стала внушать тетя. — Они очень плохие, страшные. Аликиного папу убили. И нашего дядю Лёву, а нас всех хотели расстрелять. И очень много людей сожгли в печах.

Лёнечка недоумевал, отчего так испугалась тетя Соня. Ведь они с Аликом защищали советскую страну, убивали страшных хайгитл. Про печи Лёнечка тогда ничего не понял.

2

На сей раз вместе с Юриком и Женей Макаровыми, Лёнечкиными приятелями, в сарае на резиновой надувной лодке сидела Валечка, их двоюродная сестричка, очень красивая девочка с кудряшками лет трех-четырёх, внуч-

ка начмата. В госпитале и среди соседей начмат считался очень важной персоной. Бывший военный, кавалер чуть ли не всех орденов, в будние дни он ходил в кителе без погон и в хромовых сапогах, смотрел на окружающих пристально и оценивающе, словно видел насквозь и взвешивал на каких-то особых весах, разговаривал всегда веско и строго и был исключительно немногословен; соседи его уважали и одновременно побаивались и, если о чем-то хотели просить, а просить было о чем, потому что в его распоряжении имелись машины, извозчики с лошадьми, госпитальные склады и рабочие, всегда обращались к жене, которая заведовала в госпитале аптекой. Тетя Соня рассказывала, что начмат — полковник, прошел всю войну от Сталинграда до Берлина и при этом, счастливец, ни разу не был ранен.

— Юрей, — сказала вдруг Валечка, будто хотела сказать что-то обидное.

— Что? — не понял Лёнечка.

— Юрей, — повторила Валечка.

— А что такое «юрей»? — спросил младший из братьев Макаровых, Женя.

— Это что-то нехорошее, — сказала Валечка. Она очень нравилась Лёнечке и оттого ему было особенно неприятно, что она его за что-то не любит, хотя за что именно и что это за «юрей», он так и не понял, тем более что за него тут же заступился Юрик и велел Валечке замолчать.

Дома Лёнечка спросил у тети Сони: «Что такое юрей?»

— Кто это сказал? — спросила тетя.

— Валечка. Внучка начмата.

— Не играй с ней, — сказала тетя Соня.

— Почему?

— Она нехорошая, — Лёнечка так ничего и не понял тогда, догадался лишь годы спустя, но Валечка по-прежнему ему нравилась, хотя он не играл больше с ней. Впрочем, совсем не из-за совета тети Сони. Валечка жила с родителями в другом месте и нечасто приходила к бабушке с бабушкой, к тому же в редкие свои приходы почти всегда играла с девочками.

Вечером тетя Соня пересказала разговор папе. Лёнечка не слышал, что говорила тетя Соня, но догадался, потому что папа сказал:

— Они, видно, дома так говорят. А ведь не подумаешь. Фронтовик, полковник, очень уважаемый. Рассказывал как-то, как они освобождали Освенцим. Страшное место.

3

Папа был умный человек. Энергичный и умный. И вроде бы удачливый: не погиб, выбрался из окружения, не сидел, заведовал кафедрой, не бедствовал. И в то же время судьба его оказалась сломана. Оттого он, возможно, и умер в шестьдесят...

...Мимикрия — это оказалась тяжелая болезнь: мимикрировать, прятать душу от чужих глаз, скрывать свое «я», глубинное, интимное, страх, вечный страх, как у разведчика... Лишь в последние годы папа стал приоткрываться. Но многое, очень многое Леонид Вишневецкий додумывал потом, без отца уже, когда и спросить стало некого. Кое-что рассказывала мама. Но Леонид не всегда осмысливал. Складывал на полку памяти, откладывал на потом, а когда наступило это «потом», когда появилось время — уже в Израиле, — никого не осталось. Он — последний...

Вспоминая и размышляя, бродил Леонид Вишневецкий до полуночи по опустевшим пляжам Бат-Яма или Нетании — издали дуновения ветра доносили иногда до слуха музыку; музыку свадеб, плач скрипок о прошлом, о несостоявшемся счастье или, наоборот, взрывы неистового веселья. Сам Леонид любил слушать другую мелодию: раздумчивый шум вечных приливов-отливов, таких же, как слушали цари Саул, Давид и Соломон, рабби Акива¹, Иоанн Креститель и сам Христос. Он шел обычно вдоль моря, любовался звездами и думал: его жизнь сложилась не совсем так, как он хотел бы — Леонид всю жизнь жалел, что не изучал философию и историю, что не постиг, не узнал что-то очень важное, он всю жизнь проработал врачом — и все равно он был счастлив. Он был счастлив оттого, что вокруг него дети и особенно внуки. Не очень близкие, он слабо усвоил иврит; они, пожалуй, считали его чудачком, не понимали его мечтательность, его глубокую задумчивость, язык, на котором он разговаривал, но

какое это имеет значение? Главное, что он живет в своем мире и среди своих. И еще он был счастлив оттого, что похоронят его в родной земле, которую господь Б-г завещал праотцу Аврааму. Слова Тель-Хай², Мегиддо³, Эль-Кунейтра⁴, Масада⁵ наполняли его грудь гордостью и заставляли чаще биться его сердце.

4

В отличие от Лёни, отец никогда не был свободен, и никогда не довелось ему ступить на Землю Израиля. Он принадлежал к поколению, которое, повторяя судьбу дальних предков, снова оказалось во власти фараона. Странная судьба и — жестокая. Отец был победителем, чуть ли не всю войну прошел политруком, дослужился до полковника, всю грудь его украшали ордена и медали и однако... Победа над злом не означала безусловного торжества добра... Лёня был слишком молод, всего двадцать два года, когда умер отец. Многие узнал он потом: какие-то детали, факты, фотографии, мамини случайные рассказы, тети Сонины — многое постиг он позже, реконструировал, особенно в последние годы, кроме одного, главного — отчего отец стал историком и философом-марксистом? Верил, поддался обману, как большинство юношей и девушек его поколения или? Наверное, верил, но разочаровался...

К тому времени, когда Лёня себя помнил, от прежней веры у отца мало что оставалось, он все понимал, но... Нельзя было этого говорить. Отец был обречен на молчание или ложь. Папа выбрал ложь. Это был не его выбор. Он очень мучился, не сознавался, быть может, даже самому себе. И только иногда прорывалось. Когда советские танки вошли в Прагу или когда Лёня заканчивал школу и хотел поехать в Москву поступать в МГИМО. «В МГИМО евреев не берут, — сказал отец. — С конца тридцатых годов. С того времени, как у Сталина случился любовный роман с Гитлером». «Тогда в МГУ», — настаивал Лёня. «Нет, на историю или философию только через мой труп. Пустые догмы. Десятилетиями ни одной свежей мысли. Когда-нибудь все это лопнет. Останешься без работы. Хватит с нас того, что меня всю жизнь мутило. Лучше иди в медицин-

ский. С твоей головой ты легко сделаешь кандидатскую и докторскую».

Да, так случилось, что Лёня не сам выбрал, отец. Он вроде хорошим стал врачом и даже профессором, но интереса особого, идей особенных у него не было. И всю жизнь потом сердился на отца. Особенно, когда жизнь повернулась. Когда папа оказался прав и все действительно лопнуло и посыпалось — с треском и вонью... Только в одном отец ошибся: вчерашние философы и политэкономы вовсе не отошли в сторону, напротив, оказались востребованы и на самом вершине. Им-то и доверили делать реформы. Впрочем, и врачи встречались, особенно детские. Вскоре выяснилось, что не слишком профессиональная, зато весьма вороватая публика. Увы, других не было. За семьдесят лет все оказалось выбито...

5

О том времени, когда отец учился в институте и как он попал на историко-философский факультет — при том, что детей из зажиточных в прошлом непролетарских семей в вузы не брали, а на исторический факультет особенно, — Леонид Вишневецкий ничего узнать не мог, все к тому времени умерли и спросить было не у кого. Вроде тогда же отец вступил в партию, а может и раньше, в армии, где он целый год служил в кавалерии. Отчего в кавалерии и где отец научился верховой езде, где вообще отец учился — в гимназии, реальном училище, в талмуд-торе⁶ или в новообразованной полуграмотной советской школе, этого Леонид не узнает уже никогда. Знал он только, что дедушка до революции был довольно крупным скототорговцем. Но вот про аспирантуру у профессора Блюмкина в семье вспоминали не раз. Видно, в аспирантуре, если, конечно, не раньше, отец и получил изрядную прививку сомнений. А может и вовсе разочаровался в Советской власти.

Яков Моисеевич Блюмкин к знаменитому в двадцатые годы Блюмкину, чекисту, террористу, авантюристу, разведчику и поджигателю революций⁷ никакого отношения не имел, но и сам был немало знаменит. Даже чем-то похож по биографии. По-своему он был личность выдающаяся,